

Лариса Кириллина

Двойное

КОЛЬЦО

"Хранительница": космоопера.
Часть 3

Лариса Кириллина

Двойное кольцо

«Автор»

2022

Кириллина Л. В.

Двойное кольцо / Л. В. Кириллина — «Автор», 2022

«Двойное кольцо» — третья часть цикла фантастических романов «Хранительница». Две первые – «Тетрадь с Энцелада» и «Тиатара». Юлия — отличница Колледжа космолингвистики на Тиатаре, любимая ученица строгого профессора Джеджидда, счастливая невеста юного барона-космоплатателя Карла-Макса. Впереди — защита магистерской и веселая свадьба, на которую должны прилететь с другой планеты родители Юлии. Всё мгновенно рушится. Спасти героев может лишь чудо. Или любовь, соединившая их судьбы в двойное кольцо. Обложка - авторский коллаж. Изображения людей и космических объектов сгенерированы различными нейросетями и отредактированы в нескольких фоторедакторах.

© Кириллина Л. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Театральные радости	5
Совершеннолетие	10
Прощание с магистром	15
Песни Лорелей	20
Беседа с куратором	22
Вести с Лиенны	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лариса Кириллина

Двойное кольцо

Тиатарские радости

Когда мне становится тяжело и муторно, я стараюсь вспомнить картину, которая сразу погружает меня в состояние тихого счастья. Мысленно проскальзываю внутрь своей памяти и остаюсь там, как в надежном прибежище, пока не вернется душевное равновесие. Иногда хотелось бы переместиться туда насовсем, но в воспоминаниях жить нельзя. К тому же в моем восприятии запечатлено не одно внезапно выхваченное мгновение, а множество сходных срезов реальности, почти тождественных, как взаимное отражение вереницы зеркал или череда параллельных вселенных. В них действуют те же лица, и происходит всё в том же месте, и даже слова подчас произносятся те же самые, но каждый раз всё немного иначе.

Тиатара. Планета в системе Айни. Тиастелла, самый крупный здесь город. В городе – старинный аристократический дом, извне – изысканно ассиметричный, состоящий из закругленных волнообразных линий, внутри – похожий на раковину или орбитальную станцию с несколькими отсеками. Впрочем, многое для уроженцев Земли здесь интуитивно понятно. И я уж буду называть помещения, как нам привычно.

Маленькая гостиная, примыкающая к овальному залу. Юноша учит девушку обращаться со скрипкой. Он – человек, она – нет. Его зовут Карл-Макс. Ее – Иссоа. Он – барон, она – принцесса императорской крови, ее предки – с погибшей планеты Уйлоа. Я сижу рядом и временами перевожу их реплики. Они общаются на космолингве, искусственном межгалактическом языке, который Карлу-Максу кажется мертвым и невыразительным. С экспрессивной идиоматикой там действительно швах, и никакое «доннер-веттер» на космолингве вернуть невозможно. Но уйлоанского он еще не освоил, а Иссоа не говорит ни по-немецки, ни по-английски. Упрощенному английскому, правда, ее обучали в школе, но больших успехов она не достигла.

Большинство понятий, касающихся человеческой музыки, и особенно скрипки, ее устройства и приемов игры на ней, отсутствуют в космолингве, а в уйлоанском тем более. Зато есть слова итальянские. Поскольку я космолингвист, мне приходится быстро подыскивать нужные термины, изобретать аналоги или объяснять, что Карл-Макс имеет в виду.

За нашими музыкально-словесными упражнениями с нескрываемым удовольствием наблюдают старший брат Иссоа – мой опекун и учитель, магистр Джеджидд, он же принц Ульвен Киофар, – и отец Карла-Макса, барон Максимилиан Александр Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн, знаменитый исследователь цивилизаций дальнего Космоса. Оба они иногда вступают в беседу, потому что магистр – выдающийся переводчик (его псевдоним, «Джеджидд», означает на тагманском «Толмач»), а Максимилиан Александр – не только космоплаватель, но и музыкант, хотя его инструмент не скрипка, а клавишный синтезатор. На Земле это, вероятно, был бы скорее рояль, однако в Космос рояль не затащишь. Впрочем, из синтезатора можно извлекать куда более разнообразные звуки, чем из рояля, изображая и орган, и оркестр, и любые другие натуральные и электронные инструменты. На Арпадане, где мы раньше жили, отец и сын часто играли дуэтом. Они любят старинную музыку, и мне теперь тоже придется ее полюбить.

Карл-Макс – мой жених. Я – будущая баронесса. И я нисколько его не ревную к уйлоанской сирене. На взгляд обычного человека, она может, как все уйлоанцы, показаться каким-то чудовищем. Три глаза, зеленоватая кожа с еле видимыми чешуйками, вместо волос – гиб-

кий панцирь темного цвета, пальчики с перепонками. Но Иссоа обворожительна. В ее глазах – бирюза океана. Ободки вокруг глаз – золотистые. Голос... С ним не сравнится вообще ничто.

Поначалу Карл-Макс обозвал ее между нами «Царевной-Лягушкой» (Froschprinzessin), однако, познакомившись с нею поближе и услышав, как она поет и играет на своем уйлоанском стеклянном органчике, мийон эреллай, тотчас переименовал ее прозвище на «Лорелею». Оно только для нас двоих, она об этом не знает.

Полагаю, что люди для уйлоанцев тоже выглядят как минимум странно или даже уродливо, и я теряюсь в догадках, насколько Иссоа находит моего Карла-Макса красивым (кстати, она зовет его «Каарол»). Впрочем, сейчас он не такой покоритель девичьих душ, каким был в нашей школе на Арпадане. Сердце ринулось в пятки, когда я его впервые увидела! Ангел космоса. Греческий бог. Златокудрый, синеглазый, высокий, стройный, облаченный в комбинезон, мягко переливавшийся радужными оттенками. Я влюбилась и страшно переживала за собственную нескладность и отсутствие светских манер. Мне казалось, он смотрел на меня свысока. Ишь, барон-вундеркинд, такой-этакий... А сейчас он всё еще слаб, тощ и бледен после всего пережитого. Но теперь я люблю его не с девчоночьим придыханием «ах, какой парень!», а гораздо сильнее и глубже.

Мне приятно, что он улыбается и снова видит смысл в своей жизни, пусть даже смысл не слишком значительный для бывшего космоплатателя: научить уйлоанскую девушку обращаться со скрипкой. Задача, кстати, совсем не простая. Иссоа, при всей своей музыкальности, не может ни расположить инструмент на плече, прижав подбородком (анатомия уйлоанцев отлична от нашей), ни управляться с обычным смычком – он ей тяжел, громоздок и неудобен. Ну, ладно, пускай она держит скрипку вертикально, упирая не в пол, а в колено. И смычок для нее заказали другой, полегче и поизящнее. На Тиатаре никто никогда не изготавливал скрипичных смычков. Карл-Макс и его отец долго мучились с чертежами, искали нужные материалы, выбирали, к кому обратиться... Пока что Карл-Макс осваивает с Иссоа прием пиццикато – то есть игры на струнах щипком. Это тоже не очень легко для девушки-уйлоанки, пальчики у нее нежные, а подушки на них чуть пупырчатые. Но она старается. Она просто влюбилась в это инопланетное «виолино», как она зовет скрипку. Наверное, магистру Джеджидду придется где-то добыть для сестры такой раритет. Или... Карл-Макс втайне намерен подарить ей своё сокровище?.. Скрипка стоит почти как новенький космолет. Она сделана в восемнадцатом веке в Германии. На Земле таких осталось немного, а в Космосе, кроме нее – ни одной. Конечно, можно попробовать изготовить точную копию. Однако это будет уже не то. На Тиатаре не растут ни ели, ни горные клёны. И никто не умеет варить тот особенный лак, который придает инструменту медовую мягкость звучания.

Карл боится, и не без оснований, что больше не сможет играть, как раньше. Восстановление его организма после катастрофы при приземлении тактайского космолета происходит медленнее, чем хотелось бы всем, и неизвестно, будет ли полным. Карла собрали фактически заново, применив небывалые методы – сочетание бионики с регенерацией – это само по себе настоящее чудо. Он ходит, он старательно разрабатывает все суставы и мышцы, особенно кисть правой руки, которая была раздроблена вдребезги. «Но, Юльхен, на скрипке нужно каждый день упражняться. Хоть понемногу. Иначе быстро утратишь все навыки. А у меня рука как пришитая»...

И всё-таки уроки с Иссоа не проходят бесследно. Увлечшись, он сам берет у нее инструмент и пытается показывать технические приемы. Потом извиняется, что получается плохо. Но Иссоа перенимает самую суть. Она необычайно талантлива. И так жаль, что обычаи не позволяют принцессе стать музыкантшей. Играть и петь ей дозволено только дома, при родственниках и при нас. Мы считаемся близкими друзьями Ульвена, а его слово здесь закон даже для госпожи Файоллы Киофар. Она – мать семейства, но он – глава рода и хранитель традиций династии.

Всё происходящее здесь необычно для Колледжа космолингвистики. Никто из преподавателей не приглашает студентов, и тем более одиноких студенток, делить стол и кров. Мой случай – редчайшее исключение, ибо сама ситуация оказалась из ряда вон выходящей. Магистр Джеджидд пока еще мой опекун. И я не живу в его доме, а лишь встречаюсь там с моим женихом Карлом-Максом, который является в гости с отцом и никогда не остается наедине ни со мной, ни с Иссоа. Таков этикет. И обычно в доме также находится госпожа Файолла, а порой заглядывает и племянница Ульвена, Маилла, моя подруга, которая тоже учится в Колледже. Я бываю здесь только по выходным. И если вдруг по каким-то причинам госпожа Файолла отсутствует, ночевать меня не оставят. Это в Колледже молодежь с разных планет вольна устраивать личную жизнь как угодно, хоть вдвоем, хоть втроем, хоть компаниями, но в Тиастелле, да еще в столь высокородном семействе, все приличия неукоснительно соблюдаются. Магистр Джеджидд вовсе не чопорный сноб, даже если порой таким кажется, однако он полагает, что в этикете есть нравственный смысл, и в стенах его дома все, включая инопланетян, должны подчиняться старинным уйлоанским порядкам. Разумеется, никаких простецких походных штанов и тем более соблазнительных шортиков на благородных девицах, – исключительно длинные платья!.. Барон Максимилиан Александр совершенно согласен с его высочеством принцем насчет этикета, хотя, насколько я знаю, к дамским брюкам давно привык – у космолетчиков принят стиль унисекс.

После такого вступления можно подумать, будто я всю жизнь мечтала стать баронессой и безумно горжусь тем, что возвращаюсь в круг высшей знати. Да ничуть! Я обычная девушка, хотя, как магистр охотно напоминает, «из почтенной семьи». У меня, правда, причудливо длинное имя, русско-испанское: Юлия Лаура (или Юлия Антоновна) Цветанова-Флорес. Но оно не аристократическое. У нас не было в роду ни бояр, ни дворян, ни идальго. И если другие девочки в детстве воображают себя королевами и принцессами, меня эти сказки не увлекали. Я росла в городках при земных космодромах, и мне нравились космические корабли, межпланетные путешествия и иностранные – иногда совсем странные – языки. Прежде, чем всерьез заняться космолингвистикой, я сделалась полиглотом, причем самоучкой, без чьей-либо помощи. А уж когда дорвалась до контактов с инопланетными братьями по интеллекту, то никакие дворцы, короны, кареты и прочие финтифанты не могли бы меня соблазнить. Космос стал моим домом, разлуку с Землей я перенесла без душевных терзаний, завидное здоровье позволило мне легко приспособливаться к жизни почти где угодно – на орбитальной космической станции близ Энцелада, в исследовательском поселении на Арпадане, или здесь, на Тиатаре, где можно нормально дышать без купола и скафандра.

Папа, Антон Васильевич, и мама, Лаура, остались на Арпадане; они там работают. Папа – консул Земли, мама – заведующая детским садиком для маленьких разнопланетных детишек. Она сама его организовала, когда у них родился мой младший братик Виктор. Виктор я никогда не видела, только на файлах, которые мне изредка присылают сюда с Арпадана. Мои родители вместе с Виктором собираются посетить Тиатару, и я с нетерпением их жду. После десятилетней службы папа и мама имеют право выйти в отставку и выбрать, куда отправиться дальше. Перелет семьи в одну сторону, даже длинный и сложный, будет оплачен за счет Межгалактического альянса. Правда, если потом они всё-таки захотят вернуться на Землю, то это будет уже за их собственный счет. Но они рассудили, что мы непременно должны увидеться в этой жизни еще раз. Их предполагаемый прилет будет приурочен либо к защите моей магистерской, либо к нашей с Карлом свадьбе. А может быть, удастся как-нибудь совместить два этих события.

В общем, наши собрания в доме семьи Киофар столь же благопристойны, сколь полны чистой радости и взаимной приязни. Никто не ощущает себя скованным, все непринужденно общаются, шутят, иногда немного дурачатся, особенно молодежь: мы с Карлом, Иссоа и Маилла. Ульвен старается, чтобы его остроты не звучали язвительно. Всю убойную мощь

своей мрачной иронии он копил для занятий в колледже. Вот там я могу получить от него по заслугам, невзирая на наши, как сказал один мой приятель, виссеванец Фаррануихх, «неформальные отношения». Знал бы кто, насколько они в самом деле необычайны...

Впрочем, госпожа Файолла давно обо всем догадалась, только я оставалась в неведении, пока однажды невольно не подслушала разговор Ульвена с матерью, и с леденящим ужасом поняла, героиней какой невыносимой драмы я стала.

Написать истертую фразу «он любит меня» – значит, вообще ничего не сказать. О пошлом романчике между учителем и ученицей тут и речи быть не могло, особенно если учесть, что он принц, а я – инопланетянка.

Разговор велся на уйлоанском, а там есть особое образное выражение – «сюон-вэй-сюон», – которое трудно передать на каком-то другом языке. Ближе будет, наверное, «не чаять души» или жить «душа в душу», но это тоже не то. Обе эти идиомы вполне обиходные, а «сюон-вэй-сюон» – из сакрального лексикона. Уйлоанское «сюон» – не просто «душа», это сущность разумного существа, имеющая, по их представлениям, форму светящегося кольца. А удвоенное «сюон» графически выглядит как математический знак бесконечности. Сцепка душ, которую нельзя разорвать. Ульвен тогда поручился госпоже Файолле, что я никогда не узнаю об этом. А я ненароком узнала. И, мне кажется, он это чувствует. Но нигде, ни разу, ни в какой ситуации он ни словом, ни жестом не выдал истинного ко мне отношения. Я могла судить о всей силе его привязанности лишь по скрытым и косвенным признакам.

Сначала он, вероятно, пытался избавиться от этой болезненной для него взаимозависимости, преднамеренно допустив грубый выпад в адрес землян – я тогда совершенно терялась в догадках, с чего бы он за семейным обедом вдруг вспомнил о свойственном нам первобытном каннибализме. Если б я взвилась и вскипела, это бы подтвердило нелестное мнение о землянах как существах агрессивных и все еще диких. Но я не скатилась до ссоры, хоть не стала скрывать обиды. Тот экзамен я выдержала. Он дважды передо мной извинился в присутствии всех очевидцев. Кстати, меня восхищает его привычка просить прощения, если он понимает, что неправ, ошибся или некстати вспылил. По-моему, это признак не только изысканной вежливости, но и великодушия.

Потом, когда та же злосчастная тема возникла в моем конфликте с преподавателем истории цивилизации, профессором Уиссхаиньщцем с планеты Аис, магистр накричал на меня у себя в кабинете и затем, как мне представлялось, целый день нещадно третировал. На самом деле, как намекнула мне потом Маилла, он страшно боялся, что, если вопрос поставят ребром – профессор Уиссхаиньщц или я – то из Колледжа вылетчу я. И больше мы никогда не увидимся, потому что меня депортируют к родителям на Арпадан. К счастью, а может, и благодаря каким-то закулисным усилиям опекуна, тот конфликт завершился почетным для всех компромиссом. Меня не выгнали, а с профессором Уиссхаиньщцем мы кое-как помирились. Не думаю, что отношение Уиссхаиньщца к уроженцам Земли теперь резко улучшилось, но он согласился внести в читаемый им лекционный курс коррективы, чтобы наша история не казалась такой омерзительной. Аисянам чужды наши эмоции, однако им свойственна определенная справедливость, иначе столь темный субъект, как профессор Уиссхаиньщц, не получил бы должность куратора Тиатары от Межгалактического альянса. Впрочем, об этом тоже публично нельзя говорить, и магистр открыл мне столь важный секрет, посчитав меня достойной доверия.

И последнее: возвращение Карла-Макса к теперешней почти обыденной жизни не могло бы произойти без магистра. Иначе мой жених остался бы обездвиженным инвалидом, да еще без правой руки. Карл-Макс предпочел бы самоубийство, чем это жалкое существование. Я бы не удержала его, если бы дело дошло до катания в инвалидной коляске и кормления с ложечки. Он не хотел, чтобы я, его Юльхен, задорная и веселая девушка, какой он знал меня на Арпадане, превратилась в измотанную сиделку. А я ни за что не хотела его отпустить.

Видя, как мне дорог мой Карл и как я бьюсь за него, Ульвен взбудоражил полмира. Без него никто бы не вызвал сюда две команды врачей с двух далеких планет, и никто бы не смог убедить в срочной необходимости столь затратного подвига существо, абсолютно чуждое всяких чувств – куратора Уиссхаиньщца. Я не знаю, чем Ульвен это аргументировал. Вряд ли он рассказывал аисянину о любви двух подростков, почти по Шекспиру. И уже тем более магистр не мог никому поведать про двойное «сюон», которым мы связаны с ним. Но он сумел отыскать и слова, и, главное, средства. По законам Межгалактического альянса, за всё нужно платить. И Ульвен расплатился. Он безотлагательно продал свою долю в здешнем главном предприятии по производству лингвочипов, концерне «Тиалингово». И опустошил основную часть своих личных счетов, поэтому вынужден теперь жить на жалованье магистра и гонорары за разовые консультации. Доход у него не маленький, но с прежним его состоянием не сравнится. Об этом мне тоже втихомолку нашептала Маилла, объясняя, почему госпожа Файолла встречает меня учтиво, но подчеркнуто холодно. Я ее понимаю. С точки зрения матери, Ульвен поступил совершенно неосмотрительно. Недаром он запретил где-либо об этом упоминать. По официальной версии, он лишь координировал поступление помощи, и она предназначалась для всего медицинского центра. И лишь случайно так получилось, что первым успешно прооперированным и полностью восстановленным пациентом оказался мой жених.

Между нами сплошные запреты. Этикет, этикет и еще раз этикет. Нельзя произносить слова благодарности, кроме самых необходимых. Нельзя прекословить, когда он чего-то не просит, а требует. Нельзя преступать предписанные границы. Никогда никакой фамильярности. Всегда учтивое «вы». Безусловно нельзя прикасаться друг к другу. Очень многое нельзя говорить. Он мне может делать подарки в честь важных событий в моей жизни, а я ему нет. Потому что он мой опекун, а я подопечная. Я – студентка, он – принц.

При этом дома магистр со мною любезен и мил. И ласково предупредителен с Карлом. Похоже, наши мимолетные нежности, все эти словечки, взгляды и касания рук, несколько его не коробят и не раздражают. Излечился?.. Однако я стала достаточно взрослой, чтобы понять: от двойного «сюон» нет лекарств. Это чувство – вовсе не вожделение. Но с ним ничего поделать нельзя. Оно есть, и оно всегда будет с нами.

Да, он может меня отчитать как девчонку за плохо сделанное задание, да, я буду стоять и кивать – «извините, магистр», «больше не повторится, магистр». В колледже мы – лишь учитель и ученица, и поскольку он мой будущий научный руководитель, то ко мне еще больше придирок, чем ко всем остальным.

Но когда в очередной раз понадобится, чтобы кто-нибудь меня вытащил из какой-нибудь черной дыры, я уверена, мне не придется об этом просить. Он узнает и придумает способ спасти меня. Если это вообще в чьих-то силах.

Совершеннолетие

Третий мой день рождения на Тиатаре. Восемнадцать лет. По земным законам я становлюсь юридически самостоятельной.

Шестнадцатилетие я весело и беззаботно отмечала в Миарре, в гостях у тагманца Маттэ, который позвал к себе нашу компанию – моего тогдашнего поклонника драконоида Рэо, нашу однокурсницу, похожую на чертенка Эйджонг с ее котообразным другом Ксюмо, и нашу соседку Саттун, – она кремниевый гуманоид тактаи.

Следующий день рождения я не праздновала – тогда случилась беда с Карлом-Максом. И лишь неожиданный подарок от магистра Джеджидда немного скрасил мне эти страшные дни. Подарком стал невероятно продвинутый, стильный и при этом удобный девайс-трансформер с искусственным интеллектом, который я назвала «Алуэссой». По дизайну сразу стало понятно, что вещица – женственная, хотя вроде бы какой может быть гендер у техники? Но прежний мой планшетик звался Бобиком (от фирмы Brilliant Brain), и я относилась к нему как к собачке. У техники, я уверена, тоже есть «сюон», но попроще, чем у разумных существ. Космолетчики это знают, и недаром имя для корабля выбирают весьма придирчиво.

Бывший корабль барона Максимилиана Александра, который он продал ради спасения сына, носил имя «Гране». Когда я впервые услышала это название, я даже приняла его за слегка искаженное Granny – «Бабушка». Осознав ошибку, подумала, что корабль назван в честь какого-то родственника или, может быть, места.

Оказалось, всё куда интереснее! «Гране» – небесный конь, на котором передвигалась героиня оперной эпопеи композитора Вагнера. Девушку звали Брюнхильдой, сама она была бессмертной валькирией, ставшей ради любви человеческой женщиной, а потом скакнувшей вместе с конем в погребальный костер любимого Зигфрида, чтобы пламя того костра дотла спалило Валгаллу – обитель богов. То есть «Гране» – умный преданный конь, готовый нести своего обладателя хоть куда, даже в смертоносное пекло. Имя для космолета придумала покойная баронесса Гизела Валерия Элеонора Кримхильда, мама Карла. Она увлекалась Вагнером.

Алуэсса – тоже мифическое существо, уйлоанская океанида. Для изящного девичьего девайса, по-моему, имя вполне подходит. Ульвену понравилось, а Иссоа пришла в восторг.

И вот мне уже восемнадцать.

Теперь можно праздновать! Друзья по колледжу понимали, что я захочу отметить совершеннолетие с женихом и его отцом. А значит, я улечу в Тиастеллу, и мы опять соберемся у магистра Джеджидда. Я обещала, что вечеринку для нашей компании мы устроим по возвращении.

В этом году седьмое июля оказалось будним днем накануне двух выходных. С утра я пошла на занятия, иначе бы схлопотала очередной нагоняй от магистра. Он начал вести на нашем потоке спецкурс «Поэтический перевод», и тут вперед неожиданно вырвался Рэо, который просто фонтанировал рифмами и купался в аллитерациях и метафорах. Слушать их диалоги на семинарах было очень забавно. Мои успехи скромней, мне привычнее проза.

Потом в расписании стоит другой спецкурс, «Языки подводных существ», его читает приглашенная из Института космолингвистики госпожа профессор Лусс Блумп, с которой я когда-то виделась в Витанове. Не знаю, зачем я сюда записалась, но придется посетить хотя бы начальные лекции, сдать зачет по ним, а в практических занятиях не участвовать – там придется бубукать и булькать в воде. Это водоплавающим легко, но я-то не наммуанка, не ундина и не алуэсса. Кстати, на занятиях я неожиданно выяснила видовую принадлежность ученой дамы Лусс Блумп – «сирена двоякохвостая», *sirena bicaudata*. С точки зрения аисян это, вероятно, такой же тупик эволюции, как и племя бесхвостых приматов, от которых пошли гомо сапиенс.

Только после утренних занятий меня вызвали вместе с магистром в зал собраний, который во время перерыва пустовал. Мне предстояло пройти церемонию обретения гражданского полноправия, а магистру – сложить с себя опекунство.

Собралась коллегия – три декана, секретарь и зачем-то профессор Уиссхаиньщ. Неужели куратору Тиатары больше нечем заняться, чем терроризировать восемнадцатилетнюю девочку?.. Или он обязан присутствовать? Я всё-таки с очень далекой планеты, а колледж – межгалактический.

Магистр Джеджидд представил свой опекунский отчет за три года.

Документы высвечивались на экране, все их видели.

Он суммировал свои выводы устно.

Успехи: заметно выше средних, много оценок «отлично». По баллам – в первом десятке студентов. Могла быть в первой пятерке, если бы не запустила занятия в прошлом году из-за личных переживаний. Опекун следил, чтобы я не скатилась ниже отметок «весьма удовлетворительно» и не накопила задолженностей. Перечень дополнительных индивидуальных занятий прилагается.

Практики: полный набор, даже с некоторым превышением. Синхронный перевод на конгрессе Межгалактического научного совета, отладка программ лингвочипов, перевод межпланетных контрактов, перевод медицинской документации, составление раванийско–алечуанского разговорника, экскурсии по Витанове и Тиастелле на немецком и виссеванском (последний в вербальной форме, без цветосветового сопровождения). Рекомендации всюду отличные, без замечаний.

Репутация и поведение...

Приступая к этому пункту, мой опекун покосился на профессора Уиссхаиньша. Тот хранил полнейшую непроницаемость.

Итак. Репутация у студентки Цветановой-Флорес весьма положительная. Дружелюбна, коммуникабельна, любознательна, трудолюбива, сокурсники ее ценят за жизнерадостность, толерантность и неконфликтность. Поведение в целом корректное, за исключением пары досадных эксцессов. Однако расширенный курс этикета, успешно пройденный ею под руководством опекуна, позволяет надеяться, что во взрослой жизни она станет сдержаннее. За высокую нравственность подопечной магистр Джеджидд готов поручиться своим добрым именем. Никаких «соммэ» (то есть беспорядочных связей). Он за этим строго следил.

Наконец, финансовая сторона.

На экране высветились очередные таблицы. Изучая их, я с удивлением обнаружила, что у меня, оказывается, накопился кое-какой капитал. Небольшой, но вполне позволяющий начать самостоятельную жизнь. Капитал сложился из сэкономленных остатков стипендии (мои траты были всегда скромными, я покупала лишь самое необходимое), из начислений за оплачиваемые практики (в том числе переводы на конгрессе и в медицинском центре), из поощрительных призов за оценки «отлично» и из сумм, присылаемых раз в год родителями. Магистр подчеркнул, что проявленная мной бережливость еще раз доказывает мое право распоряжаться счетами по собственному разумению.

Отчет магистра приняли и одобрили.

Меня попросили встать и сообщить свое мнение об опекуне. Нет ли к магистру Джеджидду каких-то моральных или денежных претензий. Своевременно ли он помогал советами, не испытывала ли я каких-либо затруднений в общении с ним. Это нужно на будущее, если вдруг у него появятся другие подопечные, и встанет вопрос, можно ли ему доверять воспитание инопланетных существ.

Я чинно сказала, что о лучшем опекуне я бы даже мечтать не могла. И я бесконечно признательна глубокоуважаемому магистру Джеджидду за поддержку и помощь в улаживании разных проблем, от учебных до личных.

Какой смысл в действительности заключала в себе последняя фраза, понял, наверное, только профессор Уиссхаиньщц. Он слегка заискрился внутри своей оболочки и произнес на мертвенной космолингве: «Знали бы вы, молодая особа, что он сделал для вас»...

– Это был мой собственный выбор, – немедленно возразил магистр Джеджидд.

Их взгляды скрестились. Если бы я оказалась в точке пересечения, меня бы, видимо, испепелило.

– Ну, теперь-то вы, магистр, займетесь своей диссертацией? – спросил мастер Дьян.

– Может быть, и займусь, – бесстрастно ответил магистр Джеджидд.

Мне выдали настоящее удостоверение личности. Жест скорее символический, потому что во всех компьютерах всех разумных миров я с этого дня уже значилась как самостоятельная единица, белковое существо типа гомо сапиенс, без примечания «состоит под опекой». Но пока еще без указания квалификации «космолингвист». И всё-таки было приятно получить эту титановую бляшку с чипом. Носить ее всюду с собой ни к чему, но в экспедициях она может потребоваться. Космолингвисты порой тоже гибнут, и тогда порой лишь по этой красивой штучке можно установить чье-то имя.

Все участники заседания покинули зал, поздравив нас с магистром Джеджиддом – кто сердечно, кто суховаго.

Мы вышли с ним вместе, как прежде. Нелепо ведь притворяться, будто мы сразу стали друг другу чужими.

– Вы рады? – спросил он меня.

– Не знаю, – честно ответила я. – Всё так прозаично.

– В отчете не место поэзии.

– Как и радости на публичном допросе.

– Ну, здесь же не вечеринка.

– И опять этот Уиссхаиньщц...

– Моя Юлия, это политика. Вам известно, кто он. Вы ввязались в серьезные игры.

– Только не говорите, что я даже не представляю себе, какие.

– Я сам не вполне представляю. События развиваются быстро.

– О чем вы, магистр?

– Всё меняется. Мы не знаем, кому и какая предназначена роль.

– Вы опять говорите загадками, дорогой опекун.

– Больше не опекун. Просто друг. Пойдемте, я должен передать вам цифровые ключи от ваших счетов и научить получать к ним доступ с любого устройства.

В его кабинете мы немного повозились с моей бухгалтерией. И отправились праздновать в Тиастеллу, к нему домой.

Гости уже собрались. Кроме Карла с отцом, нас ждали Маилла со своим женихом, астрономом Ассеном, и, естественно, Иссоа и госпожа Файолла Киофар. Чтобы обслуживать столь блестящее общество, недостаточно было обычной приходящей служанки, Танджи, помогать ей вызвалась мать, Ваканда, которую я попыталась назвать «госпожой», но она сказала, что это лишнее. Просто Танджи и просто Ваканда. Наверное, нет надобности объяснять, что обе они тагманки. Это другой народ, населяющий Тиатару. Не нужно думать, будто к тагманцам относятся здесь свысока, хотя они вправду редко занимаются сугубо интеллектуальным трудом. Но в доме принца не может быть слуг-уйлоанцев. Да и Танджи скорее помощница по хозяйству, чем просто служанка. Для грязной работы есть кухонные машины и всякие роботы.

После первых приветствий я поднялась в свою комнату переодеться. И выбрала то самое вечернее синее платье с сияющими созвездиями, которое Карл-Макс называл «космическим», а Ассен сравнивал с картой Вселенной. В груди оно уже немножечко тесновато, мои округлости стали заметнее. Но выглядит это еще пристойно. В качестве украшения я повесила на шею

не медальон с эмблемой колледжа, а новую цапку с удостоверением личности. Да, ее можно носить на себе, там есть отверстие для цепочки или шнурка.

Когда я спустилась в гостиную и насладилась цветистыми, хотя совершенно искренними, комплиментами, Карл-Макс попросил меня перекинуться парой слов в стороне от других.

Ну просто театр, словно мы на доброй древней Земле. Сцена давно приготовлена, действие предстоит разыграть, как по нотам. Все знали, все ждали, все предвкушали то, что должно было произойти.

Мы вышли в сад и усадились возле бассейна. Нас, конечно же, видели через раскрытую дверь и через окна гостиной. Но нас не слышали, нам не мешали, а, напротив, создавали предельно допускаемую здешним этикетом интимность.

– Юльхен, – волнуясь, сказал Карл. – Ты сногшибательна. Я тебя недостоин. Королева. Принцесса.

– Заткнись, барон. Я люблю тебя. Никогда в этом не сомневайся.

– Я тоже тебя люблю.

– Наконец-то!

– Что?..

– Ты ни разу такого мне еще не говорил.

– А когда бы я мог? Там, в госпитале? Где я валялся без рук и без ног? Или здесь, под строгим присмотром? В разговоре по видеофону? Всё не то...

– Ну, скажи еще раз. Мне так нравится это слышать.

– Я люблю тебя, Юльхен. И прошу тебя обручиться со мной.

– Карл, конечно! Давай, пока не передумал!

– Ишь, какая! А вдруг передумаю?

– Фигушки! Больше не отпущу!

– Хищница!

– Ррррггау!

Даже в такой серьезный момент мы с ним не могли обойтись без наших обычных шуточек.

Он вынул из кармана крохотную капсулу с двумя кольцами, в которых сверкали черные алмазы – диковинка с Арпадана.

Мы обменялись кольцами и, рассмеявшись от счастья, начали взахлеб целоваться. Тоже впервые. До сих пор наши с ним поцелуйчики при встречах и расставаниях были детскими и словно бы не всерьёз – чмок да чмок.

Из дома послышалась музыка. Иссоа пела, одновременно играя на скрипке, и кто-то подыгрывал ей на стеклянном органчике.

Нам деликатно напоминали: нас ждут.

Мы явились под руку, как теперь уже законные жених и невеста. Раскрасневшиеся, взъерошенные, дурачки блаженные. На органчике, как оказалось, играл барон Максимилиан Александр (Ульвен это делать прилюдно не стал бы).

Нас благословили старшие – барон, принц Ульвен и госпожа Файолла Киофар – и поздравили наши друзья, Иссоа и Маилла с Ассеном.

На маленьком столике уже лежали подарки к моему совершеннолетию и нашему обручению. Помимо разных красивых и нагруженных символическим смыслом вещиц, украшений и очередного электронного девайса от бывшего опекуна (лингвочип новейшей модели), там лежала настоящая книга в тисненном кожаном переплете с золоченым обрезом. Карманная немецкая Библия. Напечатанная на Земле почти забытым готическим шрифтом. Сама книга не слишком старинная, но в дальнем Космосе столь же редкая, как и скрипка.

– Я дарю вам с Карлом не просто книгу, милая Юлия, – пояснил барон. – Это семейная Библия. Мы взяли ее, улетаая с Земли. Всё время она хранилась на «Гране». Записи на форзаце

открываются поколением моих дедов и бабушек, поскольку более дальние предки записаны в прежней Библии, куда более старой, оставшейся в родовом имении Волькенштайн. Эта, можно сказать, космическая. И... раскрой и взгляни.

По обычаю, в Библию вписывались все важнейшие события в жизни семьи. Запись о браке Максимилиана Александра с Гизелой Валерией Кримхильдой – ну, дальше не буду, имена безумно громоздкие. Запись о рождении их сына Карла Максимилиана. Запись о гибели Гизелы Валерии. И – последнее, самое свежее, нынешнее, от седьмого июля: «Обручение барона Карла Максимилиана с благородной девицей Юлией Лаурой, дочерью Антона Васильевича Цветанова и Лауры Флорес Гарсиа. Тиатара в системе Атона, Тиастелла, дом его императорского высочества, принца Ульвена Киофара Уйлоанского».

Свадьба, конечно же, не могла состояться скоро. Об этом мы говорили уже за столом, без шуток, серьезно. Мне нужно закончить Колледж. Студентам не разрешается обзаводиться семьями, потому что в кампусе для этого нет условий, и вообще учебные нагрузки не предполагают нормальной семейной жизни с хозяйством, детьми и прочими хлопотами. Можно пожертвовать Колледжем ради семьи, и некоторые так и делают, уходя после третьего или четвертого курса, но магистр Джеджидд огорчился бы, если бы всё, что он в меня вкладывал, оказалось напрасным. Карлу-Максу тоже пока рановато становиться главой семейства. Он еще не вполне оправился от последствий своих переломов. Курс реабилитации продолжается и продлится как минимум год. Потом ему предстоит принять решение, чем он намерен заняться. Вряд ли он сможет вернуться к дальним полетам, но на Тиатаре пилоты тоже нужны. Работа найдется либо на станциях общественных флаеров, либо в космопорте, на челноках, летающих до орбитальной платформы, где разгружаются транзитные космолеты.

Сейчас нам попросту негде устроить семейное гнездышко: бароны снимают две маленьких комнатки в доме неподалеку от медицинского центра. Арендовать целый дом Максимилиану Александру не по средствам. Он тоже потратил на Карла всё свое состояние, а когда даже этого не хватило, продал «Гране», и трудно сказать, чья жертва оказалась значительнее – барона или магистра. Космолет для барона значил едва ли не всё. Пока ни отец, ни сын не нашли себе новой работы, живут они крайне скромно. Мои небольшие деньги пусть станут «приданым», то есть вкладом в наше общее будущее, сейчас их трогать не стоит.

Мы заверили всех, что согласны ждать, сколько нужно. Главное – мы с Карлом вместе, остальное как-то уладится.

Прощание с магистром

Счастье длилось и длилось. Иногда мне становилось страшно: неужели всё наяву? Вдруг проснусь – а тут буря, мрак, содрогание недр, разрыв всякой связи, крышеснос и стенотрясение... Но ничего подобного больше не повторилось. Не каждый же год на Тиатару падают метеориты.

В Колледже мои дела шли успешно, друзья относились ко мне хорошо, хотя мы общались уже не так часто, как раньше – свободное время я проводила с Карлом, а в рабочие дни занималась как проклятая. Я не рвалась в отличницы, чтобы получать награды и прибавки к стипендии, но мне было интересно узнавать новое, и я понимала, что надо использовать все возможности, которые предоставляет нам Колледж. Скоро моей студенческой жизни конец, я стану самостоятельным специалистом, и никто не будет заботливо пичкать меня такими изысканными угощениями, как жаргон космолетчиков, окуданская иероглифика или проблемы передачи метафор на языке математических символов.

Поэтический перевод у меня по-прежнему двигался туговато. Магистр Джеджидд обычно ставил мне «хорошо с недочетами». Переводила я точно, но избегала следовать метру и рифме. Отыгрывалась на верлибрах, хотя и в них обнаруживалась масса тонкостей, о которых я раньше не подозревала. Зато меня часто спасало знание множества языков и культурных реалий, и в нашей маленькой группке на меня смотрели как на ходячий словарь. Когда магистр задавал какой-нибудь трудный текст вроде гимнов Гуош-и-Дакры (о да, биксанийский «высокий язык» я всё-таки выучила!) и докапывался до значения каждого слова, он первым делом сурово смотрел в мою сторону, чтобы я не выскочила вперед без его разрешения.

Рэо, чувствующий себя среди рифм как в родной стихии, рвался в бой и порой попадал впросак. А поскольку он продолжал осваивать русский у Миши Назировича (виссеванца Вардануихха Мишшаназира), он принес однажды на семинар стихи совершенно мне неизвестного поэта по имени Блок. Магистр Джеджидд мог читать на русском, но не говорил. Он взглянул в файлы Рэо и ткнул наобум в первый попавшийся текст: «Произнесите, пожалуйста, вслух. Оценим ритм и фонетику».

«Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Повиликой меж нив золотых
Завилась я на том берегу»...

– Будьте добры, сначала переведите подстрочно, – остановил магистр вдохновенную декламацию Рэо с его неистребимым рычащим орифийским акцентом (получалось забавное «крясьсь» вместо «князь», и так далее).

На «повилике» мой друг запнулся. И про «нивы» он тоже не знал ничего. В нашей группе никто не мог догадаться, что бы всё это значило. Коллективный инопланетный разум всё же сообразил: наверное, подразумевалась какая-то фауна или флора. Даже я с «повиликой» замешкалась, предположив, что, раз она от слова «повиливать», то, наверное, это скорее животное с хвостиком. Мы залезли в межгалактический справочник и с трудом добрались до истины. Рэо признался, что он представлял себе повилику в виде узорчатой водяной змеи. Почему водяной? Сказано же: «на том берегу». Значит, переплыла! Наелась и отдыхает. Лежит, переваривает. Ей хорошо.

Развеселился даже магистр. Все прочие, кто умел хохотать, хохотали до слез.

Потом мы это переводили стихами. На космолингве получалась ужасная гадость. Смысл терялся. В обратном переводе на русский получилось бы: «Я представляю себя в виде вьющегося растения, укоренившегося среди сельскохозяйственных злаковых посадок, цвет которых в период спелости напоминает блеск желтого нержавеющей металла».

– А всё потому, что поэзия непереводима! – заявила Эйджонг.

– Иногда приходится совершать невозможное, – возразил магистр. – Юлия, вы могли бы попробовать перевести это на какой-то другой язык? В данном случае можно взять один из земных. Это нужно ради примера.

Естественно, я начала по-немецки:

–

Mein Geliebter, mein Prinz...

Ой. Я сразу запнулась. «Мой принц». Следовало бы выбрать синоним «mein Fürst», дабы это звучало не столь вызывающе. Но Fürst и Prinz – не вполне заменимы, если речь о стихах. Fürst – владыка, правитель, иногда самодержец, а принц... Это принц.

– Что вас так озадачило? – хладнокровно поинтересовался магистр.

– Я... у меня не влезает в строку «жених». Если вставить «mein Bräutigam», то нарушится метр.

– Поищите синонимы.

– Mein Verlobter?

– Неплохо.

– Всё равно никак. «Mein Gelieber, mein Prinz, mein Verlobter»...

– Либо нужно менять размер, либо переставить слова. Скажем, так: «Mein Geliebter, Verlobter, mein Prinz»...

Он произнес эту строку не моргнув и не дрогнув. И дальше работал с текстом как хирург работает с обездвиженным телом. В группе мало кто знал немецкий дальше нескольких общедоступных фраз, но курс аудирования хорошо прочищает мозги и настраивает слух на любую фонетику, вдобавок у всех, кроме нас с ним, были включены лингвоchипы, и за всеми действиями магистра Джеджидда студенты следили, затаив дыхание от восторга. Мой подстрочник в его руках превращался в подобие оригинала, не во всем тождественное, но отнюдь не мертвое. Попутно мне пришлось пояснять выражения про церковные свечи и Царицу небесную – в некоторых мифологиях эти понятия есть, только порознь. Наконец, мы дошли до конца, и последнюю строку я уже выдала самостоятельно:

– «Всё невеста и вечно жена» – «Immer Braut und ewig dein Weib».

И тогда едва ли не в первый и единственный раз за семестр магистр поставил Рэо «удовлетворительно», а мне «отлично».

Когда мой перевод показали Карлу, он восхитился:

– Юльхен, я не подозревал, что ты поэтесса!

– Это магистр – поэт, а я так, подмастерье.

– Я всего лишь опытный переводчик, – возразил магистр Джеджидд. – Не путайте искусство и технику.

– А звучит так красивее, – мечтательно произнесла Иссоа. – Ульвен, ты не мог бы переложить эту песню на уйлоанский?..

– Может быть, если выберу время, – обещал он сестре.

– Я бы спееела... Я уже слышу мелодию...

В тот день я даже вообразить не могла, что из этого выйдет.

Как обычно, мы встретились у магистра Джеджидда. Маиллы с Ассеном не было, госпожа Файолла, пообедав с нами, ушла по делам, обещав вернуться не поздно. Мы сидели в малой гостиной и впятером наслаждались непринужденной беседой. Я рискнула спросить у магистра Джеджидда, не слишком ли мы зачастили к нему в выходные, но он ответил: дескать, если он

сам нас зовет, значит, это не просто вежливость. Ему нужен дружеский круг. При его положении завести друзей почти невозможно. В колледже все другие преподаватели общаются с ним чрезвычайно корректно, с большим уважением, но отстраненно. Госпожа Файолла порой принимает здесь близких и дальних родственников, но магистру не все они интересны. Маилла с Ассеном – да, остальные – не в равной степени. Как я поняла, со старшей сестрой, госпожой Ильоа, у него большой близости нет, хотя она, на мой взгляд, достойная и приятная дама. Но она занимается только домом, светской жизнью и благотворительностью. Им с братом не о чем разговаривать. Приглашать ее в нашу компанию тоже не стоит, она плохо владеет даже простой космолингвой. И она не сможет участвовать в наших разноязыких беседах на самые изощренные темы, вроде астрономии, поэтических переводов и искусства игры на скрипке.

Мне кажется, есть и другая причина, по которой Ульвен постепенно отдаляется от семьи. Я думаю, что, когда нас тут нет, госпожа Файола вновь и вновь заводит с ним речь о женитьбе. У нее, конечно же, есть основания беспокоиться.

В начале нашего с ним знакомства я вообще не могла понять возраст магистра Джеджидда. Напрямую спросить об этом я до сих пор стесняюсь, а на сайте Колледжа его биографии нет – только сведения о карьере. Но я логически рассудила и высчитала, что ему, наверное, около тридцати. Со сравнительной хронологией в космосе дело обстоит непросто, однако теперь мне ясно, что он, хоть не юноша, но далеко не старик. Поэтому в другие дни в гостиной дома семьи Киофар появляются уйлоанские знатные девушки, в надежде, что принц Ульвен какой-то из них увлечется. Или просто взвесит все за и против и сделает не связанный с чувствами выбор. Но он избегает встреч с претендентками, оставаясь до вечера в колледже. Говорит, работает над диссертацией. Там у него кабинет, оснащенный всей техникой и каналами связи, недоступными здесь. В выходные же он имеет право звать в свой дом тех, кого действительно хочет видеть. То есть нас. Меня и двух баронов, отца и сына. Это более чем прилично, мы – фактически уже семья, к тому же я – подруга Иссоа и ученица магистра Джеджидда. А Иссоа – ученица моего жениха. Карл теперь понимает, что я имела в виду, уверяя его, что он скоро совсем перестанет обращать внимания на наши различия. Думаю, назови сейчас кто-нибудь посторонний Иссоа «царевной-лягушкой», Карл бы первым испортил ему интерфейс (в прежней жизни я сказала бы просто «дал в морду», но будущей баронессе лучше избегать жаргонизмов).

Мы отнюдь не всегда развлекаемся дома. В гостиной проходят лишь наши трапезы и музыкальные занятия Карла с Иссоа. Но если погода хорошая, мы отправляемся кататься на лодке по озеру Ойо. У семьи Киофар, а точнее, у принца, есть своя небольшая яхта. Она называется «Илассиа» (это вид морских уйлоанских птиц) и может быть то парусной, то гребной, то моторной – в зависимости от желания и ситуации.

Иногда Ульвен вызывает наемного капитана, но чаще мы обходимся своими силами. Всё-таки среди нас трое мужчин. Карл сияет от счастья, когда у него получается самостоятельно править лодкой и ставить парус. А поскольку озеро Ойо в обычное время тихое и даже дремотное, мы обычно выреливаем подальше от берега, а потом дрейфуем, любуясь видами Тиастеллы, очертаниями Эттая, облаками и контурами гор Седжэxx и Маджэxx далеко на юге.

Во время последней прогулки по озеру, пользуясь тем, что никто посторонний нас не слышит, Иссоа запела. Она не нуждалась в сопровождении. Гармонию вместе с голосом создавал весь пейзаж – и вода, и воздух, и легкая дымка на горизонте.

Над озером плыл перевод того самого стихотворения на уйлоанский. Я не сразу узнала его. Ульвен кое-что изменил. Вместо принца там появился «владыка души». Золотые нивы стали золотистыми тростниками, но «повилика» осталась сама собой: слово звучит совершенно по-уйлоански, и пусть оно слегка загадочно, так даже лучше. Никаких церковных свеч в уйлоанском быть не могло, но возникли «светильники у очага». Лишь в конце всё совпало с оригиналом. «Всё невеста – и вечно жена»...

– А теперь по-немецки, – попросил Ульвен.

Она спела еще раз почти то же самое, но на немецком, немного с другими интонациями и измененными мелодическими оборотами.

– Lorelei... – восхищенно проговорил Карл.

– Loorelei? Waas ist daas? – спросила Иссоа на своем миллом и мягком немецком с уйлоанским протяжным произношением.

Карл с отцом рассказали старинную сказку о рейнской русалке, губившей пением рыбаков. Мы с магистром переводили с немецкого на уйлоанский, поскольку Иссоа еще плохо знала немецкий язык.

– Неее, – запротестовала Иссоа. – Я же никого не гублю. Я вообще не пою при чужих.

Карл смутился и бросился объяснять, что Лорелея в немецкой поэзии – это образ недосягаемой красоты, сочетание тайны и музыки в женском облике.

– А, так она алуэсса! – догадалась Иссоа. – Тогда ничего. Я согласна. Ты можешь, Каарол, звать меня Лоореллай.

– У тебя без того прекрасное имя, – ответил мой галантный жених. – Правда, Юльхен?

– Не имя, а песня, – согласилась я, вызвав одобрительный взгляд Ульвена. Он очень любит свою сестру, и теперь я знаю, как он умеет любить.

– Я должен вам кое-что рассказать, – вдруг с серьезным видом произнес Ульвен. – Мои родные, кроме Иссоа, уже осведомлены.

– Браат, не пугай! – встрепелась Иссоа.

– Не бойся, моя дорогая. Ничего ужасного ты не услышишь. Но Юлии это тоже касается, поэтому лучше ей знать заранее.

Тут уж пришла моя очередь сильно насторожиться. Радости это вступление не предвещало. И конечно же, если бы речь зашла о его предстоящей женитьбе, меня она затронуть никак не могла. Ну, реже бы стали встречаться, и только.

– Я должен уехать, – признался магистр. – Семинар по поэтическому переводу нам придется прервать или закончить досрочно, остальные курсы я передам декану Темаре Ассур.

– Вас... долго не будет?

– Не знаю. Надеюсь, нет. Туда и обратно. Космолет айсянский, перемещение будет почти мгновенным. Но межпланетные путешествия не всегда предсказуемы.

– Вас снова вызвали разбираться с каким-нибудь неизведанным языком? – предположил барон Максимилиан Александр.

– Нет, мой друг. Я лечу защищать диссертацию.

– Далеко? – спросила я с упавшим сердцем.

– Виссевана. Межгалактический университет.

– Почему нельзя это сделать здесь? – удивился барон. – Разве колледж не имеет права присудить вам научную степень?

– Только степень магистра. Можно было бы пригласить рецензентов и оппонентов на Тиатару, но это выглядело бы как нарочитое исключение. К тому же я не уверен, что в Колледже кто-то осмелится слишком резко на меня нападать. Дискуссии не получится. А вдруг в моей работе действительно есть изъяны? Я совсем не хочу привилегий. Ни в здешнем обществе, ни в профессии.

– Но вы заслужили свое высокое положение, – возразил барон. – Если вас уважают и ценят, то не только ради почтенных предков.

– Моя нынешняя известность обременяет меня, – сознался Ульвен. – Я с тоской вспоминаю то время, когда мало кто знал меня в лицо и по имени за пределами определенных кругов в Тиастелле. Меня вполне устраивало быть «магистром Джеджиддом». Заниматься космолингвистикой, наводить легкий страх на студентов...

– Легкий страх на грани кошмара, – не преминула вставить я.

– Неужели?..

Он посмотрел на меня так, будто в первый раз осознал, насколько бывал порой крутоват в своих педагогических методах. Но сердились и обижались на него лишь бездари и глупцы. Магистр Джеджидд не был зол, он хотел от нас совершенства.

Я смутилась:

– Простите, дорогой магистр. Неудачная шутка. Рецидив запоздалого детства.

– Вероятно, вы не так уж неправы, – неожиданно согласился он. – Я сам за собой замечаю, что порой превращаюсь в тирана. Это плохо, и это необходимо исправить. Власть, лишённая внешних и внутренних рамок, опасна. И неважно, где она проявляется. Мне нужно почаще напоминать себе, что когда-то сам был примерно таким же, как вы. И тоже делал немало ошибок. Спасибо вам, моя Юлия, за откровенность.

– Вы самый лучший на свете учитель, – возразила я. – Оставайтесь таким, как вы есть! И... не знаю, что будет с Колледжем в ваше отсутствие.

– Будет всё то же самое. Лекции, семинары, зачеты, контрольные, практика. Я надеюсь, что вы меня не подведёте и не съедёте на сплошные «посредственно» и «удовлетворительно». Держите себя в руках, моя Юлия. Это не ради меня. Ради вас. И вашего будущего.

– Обещаю, – кивнула я.

– Что ж, приятного вам путешествия, драгоценный друг! – сказал барон Максимилиан Александр. – Пусть оно окажется легким, защита блестящей, а встречи с коллегами на Виссеване приятными!

– Да, мне нужно развеяться, – признался Ульвен. – Я устал.

Песни Лорелеи

В этот раз ничего фатального не случилось. Впрочем, что понимать под словом «фатальный»? Если вдуматься в корень (*fatum* – «рок», точнее, «предреченное»), то события повлекли за собой перемены во всех наших судьбах.

Первым, весьма неожиданным, событием стало распространение взявшихся словно бы ниоткуда дивных записей новой певицы, которая мигом превратилась в звезду и приобрела высокую репутацию среди искушенных ценителей.

На Тиатаре есть три музыкальных канала – один с тагманской ритмичной музыкой, другой с уйлоанской, мелодичной и меланхоличной, а третий с инопланетной, самой разной и нередко совсем непривычной для слуха землян. Именно на третьем канале появилась новинка, альбом «Песни Теллус» в исполнении некоей Лорелеи. Сначала подумали на меня, однако быстро выяснилось, что мой голос другого тембра, и вообще я не в курсе происходящего. Я и вправду не интересовалась новинками современной инопланетной музыки, погрузившись вместе с Карлом и бароном Максимилианом Александром в музыку совершенно земную, причем старинную, далекого восемнадцатого столетия. Бах, Гендель, Моцарт, Бетховен – бароны держали меня на диете из классиков. Я не противилась, в моем музыкальном образовании в самом деле зияли лакуны.

А в колледже Фаррануихх вдруг спросил, не знаю ли я случайно, кто такая эта знаменитая Лорелея. Я, ничего не подозревая, рассказала о рейнской русалке и процитировала посвященное ей немецкое стихотворение, заверив, что на Земле это текст до сих пор хорошо известен, хотя он звучит старомодно и несколько выпренно: «*Ich weiß nicht, was soll es bedeuten*»... – или, как говорится в русском переводе, – «Не знаю, что случилось со мною, душа моя грустью полна»...

Про Иссоа у меня хватило ума промолчать. И когда я услышала ее голос под аккомпанемент скрипки Карла и стеклянного органчика (разумеется, всё содержимое пропустили через новейшую звукотехнику, так что казалось, будто ей аккомпанирует целый оркестр, а поет она иногда дуэтом и хором) – я сразу сообразила, что раскрывать эту тайну нельзя. По крайней мере сейчас.

Я быстро связалась с Карлом и объяснила ему ситуацию.

Никогда за пределами дома магистра Джеджидда не называть его сестру Лорелейей. И никогда не хвастаться тем, что он близко с нею знаком и учил ее петь по-немецки и играть на скрипке. Потому что принцессе нельзя выступать публично и получать гонораров за свои альбомы и диски (мы по привычке зовем музыкальные записи альбомами или дисками, хотя они зачастую совсем не выходят на материальных носителях).

Карл признался, что весь авантюрный проект «Лорелея» – их общий секрет с магистром Джеджиддом. Это Ульвен поощрял сестру и позволил ей пренебречь обычаями, он сам делал записи, сам, хотя не без помощи Карла, аранжировал и микшировал их в нашем колледже, в студии фонологии, сам составил альбом и сам запустил в эфир, оговорив условие: пусть «Песни Теллус» выйдут в свет, когда он окажется на Виссеване. Находясь в Тиастелле, Ульвен не мог нарушить запрет своей матери и открыто попрасть традиции. Однако, видя, что барон Максимилиан Александр и Карл не стесняются музицировать, принц решил, что может позволить Иссоа осуществить ее мечту – стать певицей, но только примерно так же, как он сам стал космолингвистом – инкогнито, под псевдонимом. Про Лорелею в этой части Вселенной не знают. Это имя звучит таинственно и привлекательно. В своей школе Иссоа пела лишь в хоре, разучивая простые общедоступные песенки. За стенами дома никто, кроме родных и ближайших друзей, не слышал ее настоящего голоса и не имел понятия о ее редкостном даровании. Теперь

не имело значения, что со временем тайна Иссоа раскроется. Но лучше бы не сейчас, когда это может вызвать скандал. После первого диска, названного «Песни Теллус», намечается выпуск второго, «Песни Океанид». Когда он выйдет, любому здесь станет ясно, что певица – знатная уйлоанка, потому что «Уйлоаа алуэссиэй инниа» – текст, доступный в оригинале лишь посвященным. Госпожа Файолла не сможет ни воспрепятствовать распространению записей, ни порвать отношения с сыном: он глава семейства и принц. Как Ульвен решил, так и будет. Разве что его мать немного попилит Иссоа и не будет приглашать нас с Карлом в дом, пока Ульвен где-то странствует. А потом всё пойдёт как обычно.

Но как обычно уже ничего не пошло.

Беседа с куратором

Меня вызвал профессор Уиссхаиньщц.

Это не предвещало ничего хорошего. Напряжение между нами никуда не исчезло. Внешне мы общались вполне уважительно. Я извинилась за свою давнишнюю выходку, он сказал, что отныне будет учитывать возможность излишне эмоциональных реакций некоторых индивидов на демонстрацию сцен насилия и готов скорректировать свой курс истории цивилизаций не с точки зрения общей концепции, а в отношении выбора иллюстраций и оценочных суждений о некоторых ментально незрелых, по меркам аисян, разумных миров.

Потом у нас завязался разговор на общие исторические темы, и мне удалось кое-чем удивить многознающего профессора Уиссхаиньщца. Нет, я не пела дифирамбы моим сопланикам (крови-то они пролили много, это правда). И не призывала его проникнуться идеями любви, добра и красоты, воплощенных в нашем искусстве. Сразу встанет обычный вопрос о живописи, где всё время кого-нибудь убивают и распинают, или о драме, где в конце всегда гора трупов. Относительно безопасно рассуждать можно только о музыке, да и то не о всякой, а лишь о той, в которой нет смертоубийственных текстов. Про «Волшебную флейту» – пожалуйста, а про какую-нибудь «Гибель богов» не стоит.

Удивила же я профессора Уиссхаиньщца тем, что вдруг, сама не знаю зачем, изрекла: «Профессор, причина нашего с вами взаимного непонимания кроется, вероятно, в коренном различии модуса восприятия всех событий, и это никак изменить нельзя». Он попросил меня пояснить мою мысль, с виду очень банальную. Я сказала, что аисяне, как сущности высшего уровня (тут я с ним согласилась!) воспринимают историю лишь в масштабах Вселенной, то есть в виде макропроцессов. А все события в разных мирах происходят, с их точки зрения, одновременно. Благодаря искусству хронавтики они могут увидеть всю нашу историю сразу, наблюдая за всеми эпохами и заранее зная, чем всё закончится. Но мы, обычные смертные, видим всё изнутри. Макропроцессы от нас остаются скрытыми, зато мы переживаем каждый момент очень остро и живо. Для нас история – это не лабораторная сфера, в которой хаотически и беспрестанно снуют наблюдаемые элементы, а – вектор, путь, направление. История – тоже род нашего творчества. Мы иначе чувствуем время. Без времени нет настоящей истории. Только ее виртуальный срез. Это два разных типа осмысленности.

При нашей беседе присутствовал магистр Джеджидд, который тогда еще был моим опекуном и категорически запретил мне общаться с коллегой Уиссхаиньщцем без его ведома. Наверное, он опасался, что я опять брякну что-нибудь, что будет воспринято как наглость и дерзость.

Но куратор выслушал меня с интересом, а потом спросил у магистра, каково его собственное мнение. Магистр ответил, что он, тоже будучи существом белковым и смертным, склонен скорее согласиться со мной. Хотя изучение макропроцессов тоже необходимо, и здесь методика профессора Уиссхаиньщца дает превосходные результаты, со временем, дескать, я ее оценю.

По истории цивилизаций я получила, к своему удивлению, не зачет без оценки, а «весьма похвально» – почти что «отлично». Завершив этот курс, я надеялась, что мне уже не придется соприкасаться с профессором Уиссхаиньщцем. То, что он явился на церемонию моего совершеннолетия, оказалось сюрпризом для всех. Но мало ли какие у куратора Тиатары могли быть соображения. Может быть, он рассматривал мою кандидатуру на должность будущего сотрудника структур Межгалактического альянса. Переводчики там всегда требуются. Однако Уиссхаиньщц, напомним, вдруг бросил магистру укор в том, что он со мною, ничтожной, так много возился и стольким ради меня пожертвовал. Я уверена, что другие присутствующие не пони-

мали, в чем дело. Приписали ту реплику просто вредности и злопамятности Уиссхаиньщца. Только мы трое знали, памятуя тот разговор об истории, что речь шла даже не о громадных деньгах, которых стоило принцу спасение Карла – а о времени, которым для смертных измеряется их бытие. От микро до макропроцессов. И только оно имеет для нас настоящую ценность.

Теперь я шла в его кабинет одна. Трепеща от неясного страха. Вряд ли он собирался предложить мне писать под его руководством магистерскую. Весь Колледж знал, что я остаюсь у магистра Джеджидда.

А вдруг с Ульвеном что-то случилось?..

У куратора Тиатары могли быть самые свежие сведения. И он, зная про наши особые отношения, вероятно, вызвал меня, чтобы сообщить нечто страшное.

– Приветствую вас, Цветанова-Флорес, – заговорил профессор Уиссхаиньщц на безжизненной металлической космолингве. – Садитесь. Поговорим.

– Приветствую вас, старейший наставник Уиссхаиньщц, – ответила я на аисянском. Язык очень сложен, сплошные шипящие и свистящие («Уиссхаиньщц» – это очень приблизительная транскрипция), но обиходные фразы я выучила.

– Что вы знаете о Сироне? – спросил вдруг мой собеседник.

– Магистр Джеджидд... на Сироне? – испуганно пролепетала я.

– Я прочитываю в ваших жестах и мимике опасения за его жизнь. Для этого, как вам кажется, есть основания?

– Прошу вас, профессор Уиссхаиньщц, скажите, он там или нет?!

– Нет, Цветанова-Флорес. Убавьте эмоции. Он успешно защитил диссертацию на Виссеване и уже отправился в путь. Скоро вы снова увидите столь заслуженно высоко ценимого вами научного руководителя.

– Благодарю вас! – просияла я с облегчением.

– Вернемся к Сироне. Отчего вам показалась неприемлемой мысль о пребывании там магистра Джеджидда? Что вы знаете о событиях на планете?

– О каких-либо недавних событиях – ничего. Я за ними совсем не слежу. Откуда я могу что-то знать?

– Вы общались с двумя студентами, выходцами с Сироны.

– С одним из них и сейчас общаюсь. Это Альфред Жиро. Он увлекся историей Тиатары и на Сиرونу возвращаться не хочет. А другой, Рафаэль Калински, как вы знаете, давно исключен. С тех пор мы не контактировали. Да и здесь я с ним не дружила, скорее напротив.

– Он покушался на вашу неприкосновенность, – напомнил профессор Уиссхаиньщц. Хорошо, что не ляпнул «девственность». В лингвочип мог быть встроено и это синоним.

– Меня было, кому защитить.

– Нам об этом известно. Конфликт между представителями одной и той же расы в Колледже – редкость, обычно отношения равные. Лишь у представителей Теллус бывают эксцессы. Что вы могли бы сказать о причине такого поведения Рафаэля Калински, помимо резкого всплеска гормонального фона в условиях вынужденной абстиненции?

– Мне кажется, профессор Уиссхаиньщц, коллегия это выяснила. Причиной исключения и высылки Рафа стали не домогательства к девушке. Гормональные всплески легко корректируются таблетками.

– Я хотел бы узнать ваше личное мнение, Цветанова-Флорес. У меня есть все основания думать, что вы знаете больше, чем говорите.

– Мои знания исключительно косвенные, профессор Уиссхаиньщц. Я никогда не была на Сироне. И слышала о происходящем там лишь от Альфа, который давно оттуда уехал.

– Со студентом Альфредом Жиро я тоже буду беседовать. Ваша версия!

Голос Уиссхаиньщца стал из нейтрального повелительным. Вероятно, он просто усилил громкость, но это произвело на меня устрашающее воздействие.

Я бы не поддавалась на угрозы. Но, если уж сам куратор Тиатары вызвал меня к себе, положение, очевидно, складывалось тревожное.

И я рассказала всё. О том, что на Сироне уже довольно давно вызревает гремучая смесь идей о превосходстве землян над прочими цивилизациями с обвинениями в адрес Межгалактического альянса, который якобы преднамеренно держит Теллус на периферии развития техники и не позволяет устанавливать ни постоянных контактов между выходцами с Земли, живущими на далеких планетах, ни появление автономной транспортной сети между такими колониями. При этом, якобы, аисяне, которым принадлежит реальная власть во Вселенной, предпочитают заботиться о совершенно диких расах, которых разумнее предоставить их собственной участи, потому что они практически мало чем отличаются от животных. Таковы, например, недавно принятые в Альянс драконоиды с планеты Орифия, или птероморфные кучуканцы, или вообще арахноиды. Человечество может существовать и осваивать Космос само по себе, нужно только смелее заявить о своих правах на свободу, сбросить иго Межгалактического альянса и соединить все земные колонии в новое целое – Империю Теллус.

– Да, по нашим данным, всё именно так, – согласился профессор Уиссхаиньщц.

– Разве это не полный абсурд? – спросила я. – Может быть, на Сироне нужны хорошие космопсихологи? Или химики? Там не хватает каких-то элементов в питании, или под куполом испортилась атмосфера?

– Я недаром позвал сюда именно вас, Цветанова-Флорес. Вы усиленно и довольно успешно занимались историей вашей цивилизации. И вы знаете, что в ней неоднократно случались периоды, когда помешательство на собственном превосходстве распространялось на целые нации, государства и континенты. Как вы думаете, нынешняя ситуация на Сироне – проявление того же синдрома? Хронический делириум превосходства, ведущий к агрессии и геноциду? Если это болезнь, ее надо лечить. Если неизлечима – больного надлежит изолировать. Вы меня упрекали в предвзятости и несправедливости к вашим собратьям. Теперь объясните, что делать с таким рецидивом.

– Профессор Уиссхаиньщц, я не знаю. Повторю еще раз: я там не была. И ни одного сиронца с тех пор, как отсюда выгнали Рафа Калински, не видела. Но мы, уроженцы Теллус, не все такие. Далеко не все.

– А если бы перед вами встал гипотетический выбор: человечество или Альянс – что бы вы выбрали?

– Моих близких, профессор Уиссхаиньщц.

– То есть племя. Семейю и род.

– И друзей. И учителей. Внешность, кровь, язык – для меня несущественные различия.

– Да, Цветанова-Флорес. Об этом я немного наслышан. Что же, наш разговор завершен. Разумеется, он был строго конфиденциальным. Идите, учитесь.

– Вечность с вами, старейший наставник Уиссхаиньщц, – попрощалась я по-аисянски.

Он молча мне поклонился. Но не думаю, чтобы за эти жестом стояло что-либо, кроме формальной учтивости.

Эта встреча оставила у меня очень тягостное ощущение. Впрочем, главный мой страх оказался напрасным: магистру ничего не грозит. Разве только взбучка от матушки за его арт-проект «Лорелея».

Вести с Лиенны

Магистр Джеджидд вернулся с Виссеваны профессором. Ученое звание присуждалось автоматически после успешной защиты. В том, что он давно достоин такого отличия, в Колледже не сомневался никто. Но ему, как я уже упоминала, хотелось соблюдения всех академических и бюрократических правил – и признания на межгалактическом уровне (ну не буду же я кривить душой и всерьез утверждать, будто мой учитель совсем лишен честолюбия – если уж не как принц, то как космолингвист).

При встрече он показался мне странным – и окрыленным успехом, и несколько озадаченным, погруженным в какие-то тайные и невеселые мысли. Увидев его в колледже, я подумала, что на него навалилось такое множество дел, что расспросы сейчас неуместны. Он сразу возобновил занятия, а в классе обсуждение посторонних тем пресекалось мгновенно. Приходилось терпеть и ждать. И я дождалась. Приглашение на выходные вскоре последовало, наши встречи в его гостиной возобновились – и всё-таки атмосфера переменилась. Он стал немного другим. И Иссоа – другой. И госпожа Файолла – еще церемонней, чем прежде. Ей явно очень не нравилось всё, что делал Ульвен, и вместе с тем она не могла не гордиться таким выдающимся сыном.

Пока он отсутствовал, я виделась с Карлом и бароном Максимилианом Александром в менее чопорной обстановке. Не стиснутые этикетом, мы встречались в их съемных комнатах или сидели во двореке; хозяйева – симпатичная пара тагманцев – нас радушно чем-нибудь угощали, потом мы гуляли по городу, а однажды даже потанцевали с Карлом на обычном тагманском сборище в вечер полнолуния Тинды. Магистр чурался этих плебейских увеселений, хотя, я знаю, иногда наблюдал за ними, оставаясь в глубокой тени. При нем я туда не ходила, мне было бы неловко ощущать, что все мои жесты и па внимательно им изучаются. Карл почти не умел танцевать, ему нравилось просто ритмично двигаться, и особенно рядом со мной. Мы сильно выделялись в толпе, но над нами никто не смеялся, разве что беззлобно подшучивали. Все знали, кто мы такие, и к нам относились прекрасно.

Мои друзья тоже приняли Карла в свой круг. Он уже прилетал к нам в кампус вместе с Ульвеном, но эти визиты не афишировались и сводились к работе над «Песнями Теллус» в студии фонологии. Теперь я показала ему, где мы учимся, с кем я живу и общаюсь помимо занятий. Рэо бурно радовался новой встрече с давним приятелем. От своей нелепой влюбленности Рэо давно уже освободился, все его сумасбродства превратились в сборник стихов, ставший гордостью Колледжа: книжечку напечатали на настоящей бумаге и выставили в нашем музейчике как первый образчик поэзии европейского типа на языке драконоидов планеты Орифия. Саттун компетентно расспрашивала Карла о космолетах, и я почти ничего не понимала в их профессиональной беседе. Фаррануихх, погруженный в завершение своей магистерской, всё-таки выкроил время познакомиться с моим женихом.

Посетили мы с Карлом и с бароном Максимилианом Александром и другие интересные места Тиатары. Я не буду об этом подробно писать. Туристические впечатления – не главное. Карл присматривался и, конечно, прикидывал, сможем ли мы – захотим ли – остаться здесь надолго или вообще навсегда. Для этого ему требовалось основательно перестроить всю уже загодя сконструированную в его голове картину нашего будущего. Немецкая основательность и аккуратность столкнулась с непредсказуемостью Космоса и с моей мексиканско-русской тягой к отчаянным импровизациям. Мне нравится сказочный принцип «пойди туда, не знаю куда, добудь то, не знаю что» (образ действий любого космолингвиста!), а Карл до сих пор привык, что все планы должны быть в деталях выстроены, и им надлежит неукоснительно следовать. Теперь Тиатара медленно, но неуклонно, меняла и его, и меня. Не без помощи магистра Дже-

джидда, который тоже вроде бы проповедовал верность регламенту и последовательную систематичность, как в жизни, так и в науке, однако время от времени сам же их нарушал.

Праздник в честь его возвращения оказался хоть и семейным, но более многолюдным, чем прежде. Кроме нашей обычной компании и Маиллы с Ассеном прибыла госпожа Ильоа с супругом Иллио Сеннаем, занимавшим должность одного из выборных управленцев Миарры, а также кузен господина Иллио, владелец кофейных плантаций на склонах Маджэхха, Фаннэй Наиссан. Насколько я сумела понять, этот выбор гостей оказался компромиссом между принцем и его матушкой. Она оставалась любезной с его друзьями-землянами, а взамен хотела присутствия благородной родни – и возможно, надеялась, что Фаннэй и Иссоа друг другу понравятся. Разговор за столом протекал в приятно-поверхностном тоне. По-настоящему важных тем не касались. Поздравляли магистра с обретением нового статуса в колледже, вежливо интересовались, как проходил сам процесс защиты, насколько по сравнению с Межгалактическим университетом наш Колледж выглядит провинциальным, как он общался со множеством виссванцев – они ведь светятся и непрерывно меняют окраску, наверное, это так утомительно...

Ульвен отвечал обстоятельно и терпеливо, а порой увлекался рассказом. Но мысли его витали не здесь – я слишком хорошо его знала, чтобы этого не понимать. И Иссоа, конечно же, тоже глядела на брата восторженными и в то же время встревоженными глазами. Никакой Фаннэй ее совершенно не занимал. И владелец плантаций не знал, как держаться, когда наткнулся на взгляд алуэссы, принявшей обличие юной девушки. История про Лорелею, к нашему общему облегчению, не обсуждалась. Вероятно, Ульвен с госпожой Файоллой решили, что говорить об этом открыто даже с родственниками ни к чему. Есть певица, есть песни, а кто она – пусть гадают.

Ночевать остались лишь я и Маилла, остальные гости уехали.

И наутро Ульвен повез, как обычно, кататься на яхте трех девушек. А на пристани к нам присоединились Карл с отцом. Только так мы могли оказаться в своем кружке и поговорить откровенно.

Когда мы отплыли, я спросила, о чем его диссертация. Хотя вчера за столом ее упоминали почти через слово, никто из родственников не поинтересовался научной концепцией, заранее рассудив, что в такие дебри не стоит соваться. Наша космолингвистика выглядела для них как Ассенова астрономия – престижно, изысканно, респектабельно, но непонятно.

– *«Процесс развития космолингвы как живого разговорного языка»*, – с удовольствием произнес Ульвен.

– Живого? – удивилась я. – Он же искусственный?

– В этом и новизна, – пояснил мой учитель. – Все думают, будто космолингва – это лишь то, что выходит из лингвоципов в виде текстов или смоделированной звуковой речи. И этот язык, несомненно, изначально совсем не живой. Он собран из множества разнородных элементов. Система правил, как всем известно, проста и строга: никаких исключений. Естественным образом такой симулякр родиться не мог. Но, попадая в природную, живую среду, космолингва начинает приобретать черты, не свойственные механической речи. В нее проникают эмоции, формируются собственные слои жаргона, сокращения, даже метафоры. Я, работая в Колледже, много лет наблюдал и записывал, как говорят на космолингве студенты с разных планет. И имел возможность убедиться в том, что та космолингва, на которой с вами общается, например, профессор Уиссхайнщц, и на которой болтаете между собою вы, это несколько разные языки.

– Может быть, нужно ставить вопрос об устной и письменной форме? – предположила Маилла. – Ведь грамматика та же?

– Естественно. Но не совсем. В устной речи грамматика всегда упрощается. В космолингве скорее наоборот. В нее стихийно привносятся то, к чему привыкли в родном языке. Карл, вы строите фразы совсем по-немецки, и конструкции получаются сложными и извилистыми. А

Юлия эмоциональна, у нее – парад восклицаний и междометий. И всегда произвольный порядок слов. Примерно как в русском. Иссоа любит, чтобы звучало «красивоо» – соответственно выбирает и лексику, она склонна нанизывать синонимы и прилагательные, привнося в космолингву музыкальные ритмы. Правила всюду сохранены, но их жесткость утрачена.

– Так язык ведь всегда отражает мышление, – напомнила Маилла.

– А мышление развивается, – согласился Ульвен. – Поэтому та космолингва, которая существует реально сейчас, отличается от исходного прототипа. Даже если не принимать во внимания многочисленные заимствования и неологизмы, вроде терминов, связанных с игрою на скрипке. Я сравнивал парадигмы по разным параметрам. Уверю вас, это так.

– В космолинге есть диалекты? – спросила я.

– Как во всяком живом языке, – подтвердил он. – Это я тоже утверждаю не наобум, а проанализировав множество материалов с разных планет. Разговоры, записанные на межпланетных станциях, варианты космолингвы, бытующие на планетах среди местного населения, профессиональная лексика... Да хоть бы эта наша беседа.

Мы удивленно переглянулись, потому что вдруг сообразили, что все время говорили на космолинге и не воспринимали ее мертвую речь с затхлым привкусом. В устах Ульвена она была исключительно гибкой.

– А что сказали твои оппоненты? – полюбопытствовала Маилла.

– Самое веское из возражений: живым называется тот язык, на котором кто-то говорит от рождения. Космолингва не перенимается от родителей, а выучивается, пусть и в детстве.

– И ты что ответил?

– Во-первых, я пишу не о том, что космолингва уже превратилась в такой же язык, как прочие, а о тенденции. О вселенском процессе. Мы не вправе заранее утверждать, что нигде не возникнет такая ситуация, при которой родным языком для кого-то окажется именно космолингва. И такие случаи есть, хотя они единичны. В основном на замкнутых орбитальных станциях, где производят детей из пробирки. Более экстравагантный пример я привел со ссылкой на барона Максимилиана Александра: космолингва – родной язык всех мыслящих роботов на планете Арэпо.

– Но это же искусственный интеллект, – возразила я.

– Видела бы ты этих роботов, Юлия, – усмехнулся барон. – Впрочем, лучше к ним не соваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.